

**ВОЛНЕНИЕ НА БУМАГОПРЯДИЛЬНОЙ ФАБРИКЕ
ГРУДЕВА В МОСКОВСКОЙ ГУБ.
(1833 г.)**

№ 154

1833 г., ИЮНЯ 15.

**ЗАПИСКА УПРАВЛЯЮЩЕГО КАНЦЕЛЯРИЕЙ
МОСКОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА П. Ф. СТЕПАНОВА
ОБ УХОДЕ С РАБОТЫ КРЕСТЬЯН ФАБРИКИ ГРУДЕВА
ДЛЯ ПРИНЕСЕНИЯ ЖАЛОБЫ НА ВЛАДЕЛЬЦА
И УПРАВЛЯЮЩЕГО**

В сем имении состоит по последней ревизии мужеска пола 583, а по подворным описям 598 душ, тягол оброчных 209¹/₂, на барщине 117, всего 326¹/₂ тягол.

Имение поступило к титулярному советнику Грудеву от графини Разумовской по купчей в 1827 году. Тогда на крестьянах, не взирая на незначительный оброк, считалось недоимки прежних лет 21 849 руб. 86¹/₂ коп., в число коей взыскано доньше 3 135 руб. 52¹/₂ коп.

Грудев, вступив во владение имением, старался улучшить сколько возможно положение крестьян и каждый год по приказанию его выдавались им на посев семена; взыскиваются же в возврат по уборке хлеба с приростом для наполнения запасных магазинов по четверику на четверть. Сначала положил он на оброчное тягло по 40 руб., а потом по 50 руб. ассигнациями, по 5 аршин холста и 5 фунтов сушеных грибов. Сверх того, каждое тягло обязано вырубить и вывезти нужное количество дров и выставлять на другие потребности подводы.

Но как многие крестьяне не исполняли своих обязанностей, а пьянствовали попрежнему² и не платили оброка, то помещик

¹ Ильин И. В. — горный начальник Луганского литейного завода.

² Из содержания записки следует, что генерал-губернатор стремился снять ответственность с владельца фабрики за жестокое обращение с крестьянами.

устроил в селении в июле месяце 1832 года бумагопрядильную фабрику, обратил на оную, как объясняет, неблагонадежных к платежу оброка и взял из других семейств мальчиков и девочек, положил им всем сдельную достаточную плату с вычетом из оной следующих денег за провизию, в пищу им употребляемую.

Крестьяне, напротив, находят отяготительным платить означенный оброк, выставлять в то же время подводы, отдавать из семейств своих работников и взрослых детей на фабрику с получением самой незначительной или почти вовсе без платы и, сверх того, обрабатывать господские поля.

Когда на прошедшей святой неделе заставили начать работы на фабрике женщин и девок с среды, а мужчин с четверга на пятницу, тогда многие крестьяне решились, выменив образ и отслужив молебен, послать кого-либо из них с просьбою к гражданскому губернатору об оказании им защиты, для чего вахтером или артельщиком на фабрике крестьянином Ефимом Ефимовым по общему положению собираемо было с тягла по одному рублю. Впрочем, не всем крестьянам была известна настоящая цель такого сбора.

Прошлого апреля 29 числа один крестьянин известил о сем управляющего именем и фабрикою губернского регистратора Коробкова, который под другим предлогом 1 мая, обыскав сундук Ефимова, нашел в оном 18 руб. и записку, от кого собраны были сии деньги. В продолжении обыска Ефимов успел взойти к фабричным и сказать, что намерение их открыто и собранные деньги взяты. Потом Ефимов взят Коробковым к себе на квартиру, к которой пришло несколько человек фабричных с просьбою освободить Ефимова и отдать означенные 18 р. Коробков, отказав в сем, уговаривал их обратиться к своим работам, но они пошли в деревню, где, собравшись до 200 человек, прибежали с прежним требованием.

Между тем Ефимов был уже отправлен в железгах на лошадях в Москву и послан нарочный к ружскому исправнику. Сколько ни убеждал Коробков крестьян, но они шумели и угрожали ему, чем он был вынужден согласиться дать записку о возвращении Ефимова как невинного. При самом еще начале буйства крестьян трое из них взяли приготовленных для Коробкова крестьянских лошадей и отправились за Ефимовым, которого и привезли назад в селение.

В сие время все почти крестьяне приняли на поле, а иные в избах пред образами присягу в том, чтобы единодушно просить правительство об оказании им защиты, и отправились более 200 человек в Рузу для принесения жалоб, но на дороге были встречены исправником, по приказанию которого возвра-

тились в селение, а потом подали ему прошение с изъяснением жалоб и вместе с тем отказались от повиновения помещику до тех пор, пока правительство не определит, сколько должны они платить оброку и какие обязаны исправлять при том работы.

Все убеждения исправника остались тщетными; когда же он приказал взять 13 человек, как главных начинщиков своеволия крестьян, тогда многие пошли с ними в город, откуда после убеждения рузского уездного предводителя дворянства хотя разошлись, но остались в прежнем неповиновении; означенные же 13 человек взяты под стражу.

По получении о сем сведения московский военный генерал-губернатор предписал произвести по жалобам крестьян на законном основании следствие и вместе с тем для удержания их от своеволия назначил в селения военную команду; однакож крестьяне не только упорствовали попрежнему, но и не хотели давать показаний для исследования их жалоб, почему московский гражданский губернатор сам отправлялся в их селения, где был вынужден троих за слушание подвергнуть наказанию розгами, произведенному чрез нижних чинов воинской команды. Сею мерою и убеждениями своими он довел крестьян до того, что они обратились к обыкновенным своим работам, и следствие восприяло надлежащее действие.

Главные и общие крестьян жалобы состоят в следующем:

1. При поступлении во владение Грудева положено было на них оброка по 40 руб. с тягла; те же, кои не в состоянии оного платить, обрабатывали господскую землю, убирали сено и отправляли другие работы. Впоследствии к оброку прибавлено по 10 руб. ассигнациями на тягло, по 5 аршин холста и 5 фунтов сушеных грибов. Сверх того, забираемы были подводы не уравнительно: в год с тягла от 2 до 5 подвод в Москву, отстоящую за 70 верст, от 5 до 10 — за лесом и досками как для господского, так и для крестьянского строения за 30 верст, и каждое тягло обязано было вырубить и вывезти дров в год до трех сажень за 4 версты.

2. Прежде оброчные пособляли барщинским в уборке полей, но в текущем году каждое тягло обязано обработать господской земли по одной десятой доли десятины.

3. Из семейств сих же самых оброчных крестьян при устройстве фабрики взяты на оную люди обоого пола, и хотя выдается им плата, но в совершенно незначительном количестве, иным вместо денег отпускается обувь, соль и тому подобное, многие же не знают, какая им положена плата, а другие никакой не получали, тогда как на некоторых из них и оброка в недоимке не имеется. Один только крестьянин отозвался, что он получал всегда определенные ему деньги.

4. При всем том, хотя в незначительном количестве, но взыскивается с них оброчная недоимка, составившаяся во время владения имением графиней Разумовскою.

5. На триста человек, находящихся на фабрике, хлеба отпускается сколько нужно, также и квасу во время обеда и ужина, но круп гречневых в сутки $3\frac{1}{2}$ четверика, говядины $1\frac{1}{2}$ пуда, в постные дни вместо говядины 10 фунтов сушеных грибов, иногда сметки, постное масло, и вообще пища бывает не всегда хороша.

6. По воскресеньям фабричные чистят машины около $2\frac{1}{2}$ часов, и прочих крестьян заставляют работать по праздникам.

7. Во время действия машин изломало оными одного до смерти и повредило 9 человек, и

8. На управляющего в строгом обращении и в наказании некоторых из них плетью.

Хотя по следствию совершенно не обнаружено главных начинщиков возмущения ослушания к помещику и к принятию присяги, но по обстоятельствам дела полагать можно, что к первоначальному принесению жалоб в особенности содействовали только человек 9 крестьян, из которых 8 содержатся под стражею, а один бежал для отыскания какого-то завещания графини Разумовской, коим будто бы предоставлена крестьянам свобода. По делу также видно, что крестьяне почти все не бывали прежде по нескольку лет у святого причастия.

Вместе с окончанием следствия поступило к московскому военному генерал-губернатору отношение военного министра от 25 истекшего мая, коим уведомил, что государь император по всеподданнейшему его, военного генерал-губернатора, рапорту высочайше повелеть соизволил поручить московскому губернскому предводителю дворянства вместе с жандармским штаб-офицером произвести тщательнейшее исследование: не имеют ли действительно те крестьяне справедливых причин к жалобам и об оказавшемся довести до сведения его императорского величества.

Для должного исполнения сего высочайшего повеления изъясненное следствие препровождено было к губернскому предводителю.

Губернский предводитель с подполковником Корпуса жандармов графом Толстым, прибыв в Рузский уезд и узнав, что вообще все крестьяне работают лениво и то по принуждению воинской команды, увещевали июня 10 содержащихся в Рузе под стражею, 12 — крестьян деревень Апальщиной и Неверовой, а 13 — в селе Колыбякине фабричных покориться своему помещику, но все они, кроме шести человек, повторив прежние свои жалобы, решились ожидать от правительства испра-

шиваемого ими постановления о том, какие должны исправлять работы и сколько обязаны платить оброка.

Особых показаний от крестьян отбираемо не было, а изложены оные в протоколах, 10, 12 и 13 июня составленных, в которых г. предводитель и граф Толстой объясняют: 1) Что на фабрике работа не отяготительна и плата положена достаточная. 2) Что крестьянам весьма не понравилось заведение фабрики; но они теперь не в худшем положении против того, в каком были у графини Разумовской, хотя и нельзя одобрить всех распоряжений ими, и что некоторые соседние крестьяне платят и работают не менее их, но остаются довольными. По замечанию же уездного предводителя крестьяне многих окружающих селений, где находятся фабрики, обращают особенное внимание на жалобы крестьян Грудева. 3) По показанию состоящих на экзекуции прапорщика Никифорова и подпрапорщика Дроздовского между крестьянами есть слух, будто Грудев владеет ими временно и что духовное завещание прежней их госпожи, по которому должны они быть вольными, находится в каком-то девичьем монастыре. О слухе сем подтвердил священник ближнего села Горбова, которому сказывал покойный его зять, бывший священник села Колыбякина. 4) Из сего заключают, что между крестьянами есть ложная уверенность о непринадлежности Грудеву и тайное намерение отыскивать вольность, по видимому, законным порядком. 5) Дух к непокорности поддерживается: а) неосновательным мнением, что покорившиеся первые будут наказаны; б) принятой ими присягою и в) надеждою отыскать вольность или, по крайней мере, получить от правительства изъясненное постановление.

Губернский предводитель, представив сии протоколы к московскому военному генерал-губернатору, в отношении своем заключает, что хотя Грудев строгим взысканием с крестьян, обращением их на фабричные работы, к которым они не привыкли, мелочными распоряжениями, особенно непорядочным и непрерывным взиманием подвод, усилил неудовольствие крестьян до того, что они решились просить защиты от начальства, и хотя возмущение 1 мая произошло единственно от несвоевременного открытия их намерения принести жалобу правительству, когда был взят Ефимов, но в настоящее время не должно подвергать Грудева открытому надзору, а необходимо для укрощения крестьян, и дабы соседние крестьяне не могли иметь примера к подобному покушению против своих помещиков, предать виновных военному суду и ускорить исполнение оного для истребления зла в самом корне; Грудеву же следует тайно внушить, чтобы он имел попечение о благосостоянии своего имения и сделал необходимые на сей раз перемены, не показывая крестьянам, что он к тому принужден; в заключение

губернский предводитель присовокупляет, что правительству ныне надлежит обращать особенное внимание на заводящих фабрики, на которых должны работать крепостные люди¹.

Правитель канцелярии П. Степанов.

ЦГИАЛ, ф. 1286, ДПисп., оп. 5, 1833 г.,
д. 398, л. 9—18.

¹ Московский генерал-губернатор Д. В. Голицын согласился с мнением московского предводителя дворянства и со своей стороны признал необходимым составить правила для руководства помещикам при устройстве ими в своих поместьях фабрик.

Мнение Голицына было одобрено Николаем I, который поручил составление правил министрам внутренних дел и финансов.

Наиболее дальновидные царские чиновники таким образом стремились несколько смягчить крепостной гнет и эксплуатацию крестьян на вотчинных мануфактурах, отчетливо сознавая, что волнения крестьян и рабочих угрожают «самоу существованию самодержавия». Однако часть правящей верхушки настаивала на неприкосновенности помещичьих прав. Так при обсуждении этих правил в Комитете министров у некоторых членов его возникли опасения, что они (правила) могут поколебать крепостное право помещиков и вызвать новые крестьянские волнения, «особенно в нынешнее время, когда между крестьянами приметно обнаруживаются беспокойство и непокорность» (то же дело, л. 40). Поэтому правила после их утверждения были секретно разосланы военным и гражданским губернаторам и губернским предводителям дворянства в виде секретного циркуляра министра внутренних дел Д. Н. Блудова.

Приводим его полностью:

«По поводу объявленного мне г. военным министром генерал-адъютантом графом Чернышевым высочайшего повеления относительно составления правил, которыми должны руководствоваться помещики при обращении крестьян своих от хлебопашества к работам на фабриках, я входил с представлением в Комитет г.г. министров, по положению коего государь император в 23 день сего декабря высочайше повелеть соизволил поручить губернским предводителям, дабы они сами и чрез уездных предводителей обращали особенное постоянное внимание на состояние помещичьих людей и в особенности крестьян, употребляемых на фабриках и заводах, наблюдая:

1) Чтобы при учреждении новых фабрик и заводов помещики по возможности избегали обращения пахотных крестьян, особенно же целыми селениями, к фабричным работам или, по крайней мере, приступали к сему не вдруг, а постепенно, приохочивая крестьян к сему новому роду занятий некоторыми хотя маловажными выгодами и облегчениями и во всяком случае не расстраивая их собственного земледелия и хозяйств.

2) Чтобы на фабриках и заводах, как существующих уже, так и вновь учреждаемых, наблюдалось общее правило не требовать работ более 3 дней в неделю или же, чтобы работал брат на брата так, чтобы половина семейств оставалась всегда при своем собственном хозяйстве; там же, где работающие на фабрике или заводе не имеют своего земледелия, полагаема была вместо того соразмерная трудом задельная плата.

3) Чтобы помещики пеклись о содержании и благосостоянии людей на их фабриках, не принуждая их к работам в воскресные дни, двенадцатые и храмовые праздники, не изнуряя трудами слишком тягостными и принимая в соображение пол, возраст и силы каждого.

Губернские предводители должны как в личных сношениях с помещиками, так и чрез уездных предводителей делать сообразные с сими правилами во всяком нужном случае внушения, но избегая по возможности фор-